

КЛЕПТОМАНКА

Не все сливки одинаково полезны

Станислава Бер

16+

Клептоманка

Станислава Бер

**Клептоманка. Не все
сливки одинаково полезны**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бер С.

Клептоманка. Не все сливки одинаково полезны / С. Бер —
«ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Клептоманка)

ISBN 978-5-532-08604-3

Она не такая как все. Она может то, что другим не под силу. В детстве она воровала вещи. Теперь у неё есть занятие поинтереснее. Регина Ростоцкая ворует воспоминания. Старград потрясает убийство. Погибает мэр. Молодая жена мэра арестована. Её мать уверена в невиновности дочери и обращается к Регине за помощью. Но кто же тогда убийца? Единственный сын, бывшая жена мэра или заместитель? Следователь Архипов и ворон Гриша помогут найти ответ.

ISBN 978-5-532-08604-3

© Бер С., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Оружейник Ганс. Все дороги ведут в Россию	6
Агния. Из огня рождённая	9
Всё началось в понедельник	12
Приключения Бубнового Короля	14
Беспокойная гостя скучать не даёт	16
Продолжение приключений Бубнового Короля	19
Женский глаз всё замечает	20
Неожиданную встречу нужно подготовить	23
Дворцы хранят секреты	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Можно отобрать у человека всё – деньги, дом, жену, детей, любовь, саму жизнь. Только одно нельзя забрать – воспоминания. Хотя нет, и их можно.

* * *

Люди столпились у скамейки, охали, ахали, шептались. Регину Ростоцкую, пятнадцати лет от роду, так и подмывало взглянуть, что там. А там сидела старушка в сером драповом пальто и старомодном берете. Осенний холодный ветер трепал седые пряди, торчащие из-под головного убора. Божий одуванчик – дунешь на такую – разлетится. Голова запрокинута назад, рот приоткрыт, мутные глаза смотрят в небо. Умирает. Почему девочка к ней прикоснулась? Как будто в спину кто толкнул: подойди и возьми за руку. И что потом началось!

Реальность треснула, разлетелась на куски, разбилась вдребезги как хрупкое стекло. Регину сначала оглушило этим треском, а потом она увидела родной Старград не в нынешнем тысяча девятьсот девяносто девятом году, а в сталинскую эпоху, в далёких тридцатых годах.

Старушка, тогда ещё девочка, в кубики играла, а у них обыск начался, дом вверх дном. Потом наглые вороватые дядьки в синей форме с красными звёздами на воротниках отца старушки скрутили и с собой увели. Так и сгинул он в лагерях. А старушка-девочка плакала горько, страшно было, и папу жалко. Щёки потрогала – мокрые, пальцы облизнула – солёные от слёз.

Потом картина изменилась.

Старушка-девушка в комсомол вступала и гордилась собой. Дочь врага народа, а значок с Лениным носит. Во-первых, училась на отлично. Во-вторых, спортсменка и нормы ГТО сдала. В-третьих, отчим удочерил, и фамилия отца, и её тёмное прошлое затерялись в архивах бесследно. Тот же отчим постарался, чтобы связь не прослеживалась, силу имел в таких делах.

Воздух затуманился, и вот уже старушку-женщину целует бравый военный, а у неё сердце бьётся как у мышки в кошачьих лапах. Свадьба в рабочем общежитии, рождение детей, работа телеграфисткой, счастливые брежневские "застойные" годы, гибель мужа в командировке, нищая старость в постперестроечное время. Вереница ярких воспоминаний пронеслась перед лицом, как карусель в замедленной съёмке.

Старушка вздрогнула и перестала дышать. Глаза стали стеклянными, как у куклы. Регина словно очнулась, отшатнулась от старушки. Развернулась, взяла брата за руку и ушла прочь.

Оружейник Ганс. Все дороги ведут в Россию

Ганс Хельмшмидт подошёл к окну и заглянул в дуло пистолета, придирчиво его осмотрел. Заходящее солнце просачивалось сквозь решётку стрельчатого окна в оружейную мастерскую. С нежностью притронулся к холодному металлу, пробежался пальцами по завитушкам затвора, попробовал курок, погладил на прощание, положил обратно в ящик, где уже лежал его собрат, точная копия первого пистолета. Отличный механизм, граф останется доволен. Оружейник оглядел комнату. Каменные стены, подвесная лампа из цветного стекла, деревянные полки, верстаки, горнило, инструменты. Куда бы поставить ящик, чтоб не запачкать, не уронить ненароком? Ганс почесал затылок, потрогал подкручивающийся ус, вздрогнув от неожиданности, оглянулся.

– Прекрасная работа, герр Хельмшмидт, – осипший голос с вульгарным русским акцентом напугал.

Опять он! Этот толстяк его достал. Ходит в лавку отца каждый день, как на подённую работу, хоть жалование ему выплачивай.

– Вы не только лучший оружейник в округе, Вы ещё и художник. Позвольте взглянуть? – спросил русский и, не дождавшись ответа, протянул толстые колбаски пальцев к изделию, над которым Ганс месяц корпел, иногда ночами переделывая то декоративную накладку, то спусковой механизм.

Толстяк повертел пистолет в руках, осмотрел со всех сторон, только что не облизнул.

– Талант! – крикнул от удовольствия русский вербовщик, выпучив глаза и поправляя съехавший на бок парик.

– Данке, – скромно сказал Ганс с лёгким поклоном.

– Вы не передумали, молодой человек? В России за такую работу Вас осыпят золотом с головы до ног, – начал по одному загигать пальцы на руке. – Дом, своя лавка, милость царя, заказы от влиятельных русских вельмож. А?

– Нет. Не передумал, – твёрдо ответил молодой человек.

Заманчиво, конечно, но ехать в варварскую страну. Зачем? Гансу и здесь хорошо. Пусть среди немецких оружейников большая конкуренция. Пусть пока он подмастерье у отца и старших братьев, но это только пока. Пусть его молодая жена дважды рожала мёртвых детей. И это под надзором лучшей повитухи в городе! Ничего, скоро всё наладится. Он вот-вот должен получить лицензию и дать присягу гильдии оружейников. Тогда он откроет свою мастерскую, съедет от отца и заживёт своим домом. С семейными ужинами, с мясом по воскресеньям, с прислугой – всё как полагается. И самое главное, жена опять на сносях. Куда ехать? Какая Россия? Не смешите меня, я вас умоляю.

Граф щедро заплатил за пару именных пистолетов, за пополнение фамильной коллекции. Ганс подкинул увесистый кошель, улыбнувшись так широко, что открылась милая щербинка. Нужно отдать долю отцу и можно пропустить пару кружек пива с друзьями. Заслужил.

Дорога до таверны была неблизкая, почти через полгорода добираться пришлось. Сначала через квартал ремесленников пройти, потом через плац, маленькая кирха, остроконечные крыши дворцов знати, торговые дома купцов, рабочие кварталы, судоверфь, порт, и вот, наконец, она – таверна.

В таверне стучали кружки о дубовые столы, скрипели лавки под упругими задами ремесленников, пришедших смочить горло после трудового дня, и тощими задницами бездельников, заливающих зенки с обеда.

– Эй, Ганс, говорят, ты неплохо заработал и сегодня угощаешь, – толкнул вбок пройдоха Мюллер.

– Э, нет, ребята. Вот родится сын, тогда я вас напою до пивных пузырей из носа, – сказал оружейник, приглаживая роскошные усы. Мол, за мной не заржавеет, вы меня знаете.

Гул голосов улетал в сводчатый потолок, пиво лилось рекой. Матросы затянули похабную песню под хохот развязных портовых девок, сидящих у них на коленях. Драка вспыхнула как сухая солома в жаркий день от случайной искры. Слово за слово, толчок в грудь. Петушинные наскоки. А ты кто такой? А ты? И вот пройдоха Мюллер уже сцепился с кадыкастым задиристым пареньком, за которым стояли ещё трое, сплёвывали в нетерпении на каменный пол. Ох и заварушка сейчас начнётся. Но Мюллера нельзя бросать одного. Ганс кинулся на помощь, растолкал молокососов. Как получилось, что толпа расступилась, он стоит один в центре зала, а кадыкастый лежит на полу с вывернутой ногой? Но ведь жив. Жив!

– Сын главного оружейника гильдии, – услужливо зашептали в ухо. – Единственный.

Утром разбавленный кофе с таким же разбавленным молоком помог привести его в чувства. Ганс потрогал затылок, потёр виски, поморщился. Голова болела после вчерашнего смертельно, синяк под глазом саднил, костяшки кулаков разбиты, бравые усы поникли. Но хуже всего была мысль, пульсирующая в такт головной боли.

– Я всё испортил. Шанс получить лицензию равняется шансу стать Папой Римским.

Толстый русский, как будто почувствовал удачу, зашёл в мастерскую ни к вечеру, как обычно, а к обеду. Этот подмастерье из известной семьи станет жемчужиной в его коллекции завербованных мастеров. А потасовка в таверне пришлось как никогда кстати. Да здравствует дешёвый алкоголь и драчливые бездельники!

– Собирайтесь, герр Хельмшмидт. Вам больше нечего делать в этом городе, – подытожил он грустные размышления оружейника.

Посланец царя Петра оставил адрес, откуда завтра в далёкую Россию выходит поезд таких же, как он, ремесленников в поисках лучшей жизни, собранных со всей Европы.

Россия. Бескрайние поля и равнины, непроходимый лес, полевые цветы, редкие деревушки и берёзы, берёзы, берёзы. Хоть и, говорят, богатая страна, но дороги у них ужасные. А кое-где их вообще нет. Разбитая колея, размытая дождями, называется здесь трактом. Жена стонала весь путь. Жарко, душно, а к вечеру ливень поливает каждый день. Возок трясло на ухабах нещадно. Никакие рессоры не помогали. Ганс перекрестился и поцеловал нательный крест. Как бы чего не случилось с животом, как бы не скинула ребёночка. Господи, помоги!

Оружейник запрокинул голову. Небо, тяжёлое, напряжённо-серое, затрещало, как малая одежда по швам. Вспышки молний озарили всё пространство вокруг. Что-то страшное ударило рядом. Ганс присел. Привстал, оглянулся, в возок ударила молния. Огненная стрела прилетела с небес. Наказание Господне? За что? За сломанную ногу сынка главного оружейника? Размышлять не было времени. Возок с женой и поклажей загорелся.

Роженицу удалось спасти. Уложил-усадил её на обочине. Дышишь? Да. Подбежали попутчики, помогли вытащить скарб. Лошадь распрягай! Инструменты спасайте! Тащи, тащи! Тряпье наживем, пуцай горит.

Глядь, а жена уже с ребёнком на руках. Женщины вокруг них кудахчут, охают, ахают, умиляются.

– Живой? – спросил Ганс, а самому страшно.

– Живая, – ответила жена. – Дочь у нас родилась.

Оружейник с замиранием сердца взял малышку на руки. Красный комочек, спелёнутый в чью-то белую рубаху, устало зевнул беззубым ротиком. Незнакомое чувство накрыло отца. Нежность? Губы растянулись в улыбке, глаза увлажнились.

– От огня и молнии рождённая, гутен таг, доченька. Назову тебя я Агния. Ты не против, дорогая?

Жена лишь счастливо улыбалась. Агния так Агния. Первый живой ребёнок родился. И где? В дороге, в поле, посреди русских берёз, и никаких повитух. Чудеса.

Немецкая слобода в Москве порадовала. Как будто и не было этих тысяч вёрст пути по бездорожью. Кусочек маленькой культурной Германии в дикой варварской России. Аккуратные домики, построенные ещё при царе Алексее Михайловиче, сады и цветники, чистые прямые улицы, голландские мельницы, французские мануфактуры, Лютеранская часовня. Немецкая слобода – не совсем и немецкая. Кого тут только нет – голландцы, шотландцы, французы, испанцы, лифляндцы. Говорят, сам царь Пётр Алексеевич до сих пор сюда навещается, а в отрочестве не вылезал со двора Монса, с дочки его глаз не сводил. Но там всё плохо закончилось.

Ганс Хельмшмидт – не лентяй и не дурак. Он быстро освоился в московском царстве. Нашёл помещение в нужном месте, договорился с ростовщиками о ссуде, добыл инструменты и сырьё, открыл оружейную мастерскую. Лучшую в Москве!

– Тчего исфолите, боярррин? – спросил оружейник на ломанном русском у дядьки в смешной шапке.

Трудные слова – боярин и оружейничий. А что делать, язык-то учить надо. С клиентами нужно говорить на одном языке. А это – постоянные посетители лавки, ведали о царском оружии и оружейных запасах.

– Заказ мой готов ли? – важно спросил боярин, уперев руки в упитанные бока.

– Сей момент пррринесу, – сказал мастер, кивая мальчишке, мол, стоняй в цех, неси боярский заказ.

А следом уже и молодой человек княжеского рода зашёл. Тоже важничал. Пушок над верхней губой только пробивался, кафтан на нём новый, а вот оружие подкачалось. Позапрошлый век, от деда, поди, досталось.

– Что у тебя есть нового да дорогого? – спросил княжич ломающимся голосом, задрвав безбородый подбородок как можно выше.

– Чего только нет, Ваша светлость. Всё есть, что Вашей душе угодно – пистолы и пистолеты, кинжалы и мушкеты. Для благородного господина выбор преогромнейший. А можно и на заказ сделать, по индивидуальным эскизам, ежели пожелаете, – сказал Ганс, обнажив милую щербинку.

Работа в мастерской кипела днём и ночью, золото потекло в карманы оружейника непрерывающим ручейком. Не обманул толстый русский. Ну, а когда царь пригласил из Саксонии Иоганна Блюэра, а тот рудники нашёл в Олонецком уезде, да современное оружейное производство организовали для зарождающейся Российской империи, тогда и для Ганса Хельмшмидта дело нашлось серьёзное, тогда почёт и уважение заслужил Ганс от новой родины. И задача стояла перед ними, рудознатцами и мастерами, непростая – вооружить молодую русскую армию таким стрелковым оружием, чтобы оно было совершеннее оружия противника, то есть шведов. Во как!

Агния. Из огня рождённая

Ганс вернулся из похода затемно, лошадь в стойло поставил. Жена встретила сонная, родная, в белой ночной сорочке, накормила, напоила и спать уложила. Перед сном засмотрелся на спящих детей, на аккуратные светлые головки мальчишек, родившихся уже в Москве, на тёмные волосы старшей дочери.

Петух под окном кукарекал как окаянный, сладу с ним нет никакого. Ганс еле продрал глаза, но тут же заснул опять. Встал ближе к обеду, солнце высилось над головой. Жена возилась на кухне, мальчишки ползали рядом с матерью. Агния смотрела за живностью. Он вышел на крыльцо, потянулся. Хорошо-то как дома! Окинул двор хозяйским взглядом. Всё ли в порядке? Каменный сарай с новой крышей и воротами, конюшня и хлев, коза привязана к колышку, курочки бегают, щиплют зелёную травку. Отец засмотрелся на Агнию, прислушался.

– Чего она им толкует? О чём вообще можно беседовать со скотиной? Не понимаю.

Ему даже почудилось, что она не просто с ними разговаривает, а они её внимательно слушают. Ганс тряхнул головой, чтобы отогнать наваждение. Бред.

– Что за птица у неё на плече сидит? – спросил жену, заходя на кухню.

– Воробья раненного подобрала. Вылечила. Теперь с ним не расстанется.

Странная девочка. Оружейник продолжал наблюдать за дочерью в окно кухни. Животные во дворе забеспокоились. Агния резко остановилась, напряглась, посмотрела в небо, загнала скотину в хлев и быстро зашла в дом. Через минуту сверкнула молния, загрохотало, хлынул проливной дождь. Как она узнала?

На московской ярмарке не зевай, прохожий. Колготня, веселье, товара кругом видимо-невидимо, глаза разбегаются. Ганс Хельмшмидт любил русские торжища. Всё посмотреть хочется – и горшки расписные, и платки цветастые, и сапожки сафьяновые. А пахнет, пахнет-то как! Калачами, мёдом, расстегаями, кожей, новенькой лошадиной сбруей. Ребятня возле скомоухов столпилась, петушки на палочке облизывает да в свистульки дует. И он, как дурак, засмотрелся на кривляк на ходулях, не уследил за ребёнком. Только что тут стояла Агния, и нет её нигде. Беда!

– Никогда, слышишь, никогда больше так не делай, Агния! Найн! Нихт гут!

Ганс старался больше говорить по-русски и детей приучал к русскому языку, но, когда волновался, переходил на немецкий. Вовремя спохватился, чуть не прозевал дочь. Глядь, она с цыганами разговаривает. И руку дала старой цыганке, и уйти с табором собиралась.

– Эй, Ганс, тебя подвезти до дому? – крикнул старина Кауфман, сидя на козлах новенькой брички, запряжённой парой гнедых.

– Данке. С удовольствием прокатимся, – сказал Хельмшмидт в предвкушении поездки с ветерком. Такая бричка была только у его соседа. – Агния, ты где?

Неужели опять убежала несносная девчонка. Да что с ней такое происходит?! Нет, хвала небесам и Господу нашему Иисусу Христу, не сбежала, на месте стоит. Насупилась, брови сдвинула, а саму никак не сдвинуть. Не поеду с Кауфманом, и всё. Вот упрямое создание.

– И ты не поедешь, фатер, – так уверенно сказала любимица и взяла его за руку, что Ганс умерил родительский пыл и послушался дитя.

Что с ней поделаешь, пошли пешком до Немецкой слободы. До дому добрались усталые, но довольные – с подарками, с обновками, прогулялись опять же. На подходе Агния крепче сжала руку отца и грустно посмотрела на соседское жилище. На улице стояли понурые, молчаливые соседи, фрау Кауфман поддерживали дети, она сотрясалась в рыданиях.

– Герр Кауфман, не доехав до дома, разбился насмерть. Лошади испугались и понесли бричку, – сообщила Гансу жена.

Оружейник застыл, ошеломлённый новостью. Это всегда так странно, так неожиданно, когда видишь человека, разговариваешь с ним, а потом его уже нет. И никогда не будет. Стоп! Подождите, подождите. Они с дочерью тоже должны были ехать в бричке Кауфмана, но не поехали. Ганс посмотрел на Агнию со смешанными чувствами – смесь ужаса и уважения. Кто ты такая, Агния Хельмшмидт?

Однажды у барона Шафирова сломался любимый пистолет, старинный и очень дорогой. Никто из мастеров не взялся его ремонтировать, уж больно сложный механизм, таких теперь не делают. Ганс любил сложные задачки, пообещал разобраться.

– Извольте принять работу, – сказал Хельмшмидт через неделю, с поклоном отдавая оружие.

– Получилось? – спросил барон, с удивлением рассматривая раритет. – Ну, ты силен, братец.

– Вы ничего не замечаете, Ваше Благородие?

Шафиров покрутил пистолет в руках, заглянул в дуло, пожал плечами. А что, собственно?

– Это не Ваш пистолет. Я сделал точную его копию.

Барон отшвырнул подделку, а оружейника схватил за грудки.

– Ты чего? Ты белены объелся что ли? А где мой пистолет? Это фамильная реликвия.

– А вот он, – спокойно ответил Ганс, подсовывая оригинальное оружие. – Я его починил. Работает. Можете проверить.

Шафиров рассматривал оба пистолета полчаса, с подозрением, с сопением, но различия так и не нашёл. Вечером того же дня на придворных гуляниях под звон бокалов с игристым вином барон Шафиров представил немецкого оружейника Никите Демидову, набиравшего тогда силу. Главный поставщик русских войск заинтересовался рассказом барона. Полонез сменялся менуэтом, англез сменялся аллемандом. Танцующие пары склонялись в реверансе. Игристое ударяло в голову. Под взрывы фейерверка закреплялись деловые отношения.

– Пойдешь ко мне работать? – напрямую спросил промышленник.

– Пойду, – также прямо ответил Ганс.

– Ты сам-то откуда будешь? Из каких мест в Германии? – проявил интерес Демидов.

– Предки мои из Ростoka, а сам я приехал из города..., – начал было рассказывать оружейник.

– Из Ростoka, говоришь. О! Буду величать тебя Ганс Ростокский. Фамилия у тебя больно сложная, для русского языка тяжкое испытание. Согласен? Вот и славно, Ростокский. Твоё здоровье!

Он никогда не привыкнет к свирепой русской зиме, к этому ветру со снежной пылью, царапающему кожу лица, к этим сугробам по колено. В Германии тоже холодно, но не до такой же степени. И эта поездка случилась так не вовремя. Только вернулся с Уральских заводов Демидовых, срочно отправляясь в Тулу. В пургу? В метель? Там проблемы с ружейными затворами. Срочно!

– Не надо, фатер. Не ходи, – остановила в дверях подросток Агния.

– Надо, доченька, надо, – поцеловал в макушку, легонько отстранил в сторону. – Дас из кайн витц.

– Тогда я поеду с тобой.

Это что ещё за балаган со скоморохами?! Не девчачье это дело. Не место девочке на оружейном производстве.

– Поеду, – твёрдо сказала дочь, оделась теплее: путь неблизкий.

Почему он не может ей сопротивляться? Теперь они вдвоём мёрзли в крытых саниах, а вдалеке раздавался волчий вой. Страшно-то как. Боже Всевышний, смилуйся над нами! Неужели ты не слышишь раба твоего Ганса? Волки, злые, голодные, окружили возок. Нечистая сила, куда запропастились пистолеты? Жёлтые огоньки звериных глаз следили за каждым движением людей. Куда ты, глупая? Агния скинула меховое одеяло в сани и вышла навстречу вожаку. Белый волк с мощной шеей и длинной мордой смотрел на неё минуту, развернулся и убежал в лес. Стая нехотя последовала за вожаком. Ужин отменяется.

Пришло время и семье Ганса Ростоцкого перебираться в Санкт-Петербург. До чего же прекрасен град Петра! Широкие проспекты, набережные, мосты, министерства, церкви, костёлы, гостинные дворы. Каналы, как кровеносные сосуды, обогащали организм города, лодочки снуют туда-сюда. Новый город, новые возможности, новый завод "Ружейный двор". Всем найдётся занятие в новой столице государства Российского: и отцу, и подрастающим сыновьям. Ганс стал уважаемым человеком, обласкан царём, осыпан почестями. В большом каменном доме среди фузей и мушкетов придворный художник писал его портрет маслом. На картине оружейник с широкой щербинкой, выделяющейся между подкрученными усами, стоял в обнимку с ружьём. Благодатное время.

Агнии жениха нашли из приличной семьи. Всё честь по чести – свадьба, битие посуды, посыпание гостей зерном и солью. Муж попался работающий и добрый. Дочь Ганса народила ораву русских немцев. Но не это главное.

– Фрау Марта, что с Вашим сыном? – спросила она как-то у соседки.

– Упал, Фрау Агния, вывихнул ногу. Лекарь сказал, что не может помочь. На всю жизнь останется хромым.

Агния почувствовала неладное. Не правда это, будет ходить этот мальчик, будет бегать, будет скакать на лихом скакуне и саблём махать. Здесь больно? А так? Так тоже болит? Ощупала колено, икру, щиколотку, крутила, давила.

– А-а-а! – сын соседки заорал на весь немецкий околоток как свинья на бойне. Дикая боль.

Агния дёрнула ногу мальчика что было сил и вставила на место.

– Да что ты творишь, баламошка?! – соседка оттолкнула её от сына, обняла, прижала дитё к груди. – Как ты, родной?

– Будет ходить Ваш сын. Будет. Пусть полежит немного, а потом встанет и пойдёт.

На следующий день сын фрау Марты носился по двору, прыгал на палочке с головой деревянной лошадки. Мать не сводила с него глаз, периодически вытирая их носовым платком, слезились почему-то. Добрая молва распространилась по округе со скоростью света. Через день купец Елизаров привёл дочь с отшибленной рукой.

– Почему ко мне пришли? К лекарю, к лекарю идите, – шёпотом сказала удивлённая Агния, качая на руках новорожденного сына.

– Да что лекарь? – также шёпотом ответил купец. – Он только и может, что мазью пачкать, от неё потом волдыри пузырятся, а боль не проходит. Помогите дочке, сама ведь мать. Почто малая страдать будет зазря?

Потянулся народ. Кому зубы заговорить, кому кашель вылечить, кому пропавшего найти. Агния сначала отнекивалась – у неё муж, дети, дом, хозяйство. Какие заговоры-наговоры? А потом поняла, что это её стезя, а со своей дороги не свернуть. Одно томило душу – она как сапожник без сапог. Как так получается? Что за жестокая ирония? Чужих детей она спасала, а свои ребятишки умирали, кто при родах, кто от болезней. До года дожили двое – темноволосая девочка и мальчик блондин. Агния чувствовала, сын тоже умрёт, но взрослым. Или на войне, или случайно погибнет. А дочь будет жить долго, до глубокой старости, и продолжит их род.

– Бойся огня, моя девочка, бойся, – Агния наклонилась над колыбелью. – Я в огне родилась, он же и погубить нас может.

Всё началось в понедельник

Мало того, что день тяжёлый, так ещё и осень. Погода, как бы сказать помягче, дрянная. Ветер вырывал зонт из рук. Дождь норовил ударить по лицу, ну или до чего можно добраться, если ветер помогает. Лужи пучились, наливались свежими дождевыми соками, нагло преграждая путь. Приличных дорог с тротуарами в Старграде отродясь не водилось, так что ноги промокли сразу.

Человек уязвим в такую погоду, но в своём доме Регина Росточкая почувствовала себя в безопасности. Вернула спицы зонта в исходное положение, стряхнула воду с поверхности, поставила сушиться. Выдохнула. Сняла мокрую обувь, пальто, платок и перчатки, которые носила в любое время года. Они прикрывали ожоги на теле. Жаль, что душевные раны нельзя прикрыть платочком или перчатками. Дома было уютно и тепло. Отопление ещё не дали, но Регина с утра протопила печь. Ворон Гриша встречал её в гостиной, сидел на излюбленном месте, молчал, нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ждал новостей.

– Привет. Как ты сегодня, старина? – девушка подошла к буфету. Птица спустилась, села на плечо. Хозяйка погладила его по маленькой голове. Ворон прикрыл глазки, наслаждаясь моментом. – Всё, отпускаяй меня. Переоденусь, будем ужинать.

Гриша нехотя взлетел обратно на буфет. Регина умылась, собрала длинные чёрные волосы в хвост, надела уютную пижаму и полосатые гетры. Дорогуший чайник, подаренный на день рождения, подозрительно затрещал, но воду вскипятил. Она налила большую кружку чая. Отхлебнула, согреваясь.

– Дел у меня сегодня, Григорий, полно, – сказала девушка, поставила ноутбук на стол, покрытый плотной зелёной скатертью с белой бахромой, открыла, нажала на пуск. – Сначала размещу объявление. Потом расскажу, что было. Подожди немного.

"Гадалка ответит на ваши вопросы. Расклады на картах. Недорого".

Гриша каркнул коротко и зло. Регина подняла голову.

– Не смотри на меня так. Да, я этого не люблю. Да, мне будет потом плохо.

Девушка вернулась в сеть, продолжая печатать.

– Утром иду на работу, как обычно, и встречаю... Кого думаешь?

Ворон задвигался в недоумении.

– Правильно. Мирослава!

Сделала паузу, отхлебнула чай.

– Учебный год только начался, а у него кроссовки прохудились, куртка потрёпанная, оборванец, честное слово. Носится как угорелый, играет в свой футбол. Куда только мать смотрит! В обед пошла к Ларисе. И что я там вижу?

Гриша каркнул вопросительно.

– Анютка перед школой ест макароны с кетчупом, а эта бестолочь лежит на диване, котиков лайкает в интернете. Денег нет, работы нет. Художник от слова "худо".

Регина разошлась так, что её обычно бледная кожа порозовела, карие глаза заблестели, ожоги побагровели, упрямая складка между бровей превратилась в Марианскую впадину. До зарплаты – как до Китая пешком, последние деньги она спустила в книжном магазине, но допустить, чтобы племянник мёрз и позорился, она не могла. Будем гадать. Как же она этого не любит!

В семье гаданием многие занимались: и тётка, и бабушка. Тётка особенно знатная была мастерица карты раскладывать да судьбу предсказывать. Регина же прибегала к этому занятию в крайних случаях, от большой нужды, как сейчас. После гаданий чувствовала себя выжатой

как апельсин после соковыжималки – неделю восстанавливала энергетический баланс. Но надо так надо.

Анютка и Мирослав – дети брата Ильи – напоминали ей детство. Племянница похожа на отца, светлая, лучистая, с улыбкой ангела, и характером в папаню. Мирослав – кареглазый сорванец с хулиганскими кудрями, с широкой щербинкой, вылитый Регина. Ростоцкие – из обрусевших немцев. Оружейника Ганса сам царь Пётр пригласил в Россию. Его скромный портрет в опалённой раме висел в гостиной как семейная реликвия. Немецкого толком никто уже в семье не знал, но штрудели пекли и сосиски по-баварски жарили.

Девушка встала из-за стола, закрыла ноутбук и подошла к окну. Дом стоял недалеко от центра города, поэтому улица, хоть и скудно, но освещалась фонарями. Осень раскрасила деревья яркими красками. Деревянные дома на каменно-кирпичном основании с резными наличниками жались вдоль узкой дороги. Дождь закончился, но ветер не успокаивался, прибивал сорванные листья к мокрому асфальту. Небо прояснилось, стало высоким как баскетбольное кольцо для лилипута. Проявились точки звёзд.

Регина включила чайник ещё раз. Он предательски зашипел, вспыхнул и замолчал навеки. Ну, почему, когда нет денег, сразу всё ломается? Закон подлости, вероломства? Да, веро... ломство.

– Ладно. Утро вечера мудренее. Что-нибудь придумаем. Пошли спать, старина, – позвала девушка ворона, посадила себе на плечо и направилась в спальню.

Уже в постели Регина взяла в руки книгу, любила почитать перед сном. На этот раз её выбор пал на сказку. Сказка на ночь.

Приключения Бубнового Короля

Бубновый Король вздрогнул и оглянулся, из-под земли доносился слабый стон. Что это? Кто это?

Он шёл по лесу. Берёзы, берёзы, берёзы. Родные, стройные, монохромные с шапкой курчавой зелени. Как же он по ним скучал! Обнял, прижался небритой щекой к прохладной коре. В жаркие страны нужно ездить в отпуск ненадолго, на время, а не так, как он – полгода в сражениях. Крестовый поход ничего не дал ни ему, ни его королевству. Пустая трата времени и сил. И тут запищало, прямо под ногами.

Бубновый Король раскидал сухие ветки, раскопал и вытащил на свет маленькую Шестёрку Пик. Часть карты сгнила, часть порвалась, часть потемнела до неузнаваемости, но она еще дышала. Она пропищала, как ей больно и обидно. Бубновый Король помог бедной карте, положил её голову себе на колени, дал попить и услышал историю.

Шестёрке Пик плохо жилось в семье злой тётки и драчливых братьев и сестёр. Она долго терпела побои и унижения, а потом ушла из своей бумажной колоды и попала в колоду дорогих карт с лаковым покрытием и вензелями на рубашках. В этой колоде жил Валет Червей. Он был большой и доброй картой, она таких раньше не встречала. Шестёрка Пик хотела стать его дамой, но этому помешал злой и коварный Джокер. Он проткнул карту её же собственной пикой и бросил гнить в тёмном лесу.

– Кто такой этот Джокер? – спросил Бубновый Король, наклоняясь к Шестёрке Пик, говорящей всё тише и тише.

Шестёрка Пик не успела ему ответить, последний раз вдохнула и истлела. Только жалкие клочки остались на его руках, а остальное превратилось в прах, и ветер развеял его по лесу.

– Спи спокойно, Шестёрка Пик. Я найду твоего убийцу.

Бубновый Король с детства любил справедливость. Ему говорили, ну куда ты лезешь, без тебя разберутся. Тебе что, больше всех надо? Будь как все, не высывайся из колоды, стой поближе к козырям. Но как можно оставаться спокойным, если рядом обижают слабых – шестёрок и семёрок, а иногда даже двоек и троек? Как?! Поэтому, когда чужое заморское королевство напало на маленький халифат по соседству, Бубновый Король поскакал с другими королями на его защиту. Бубновый Король храбро сражался, даже потерял руку на войне, но, видя, что эти подвиги нужны лишь тщеславным правителям, вернулся домой, к берёзам, к знакомым замкам, к холодному северному солнцу.

В общем, не хотел Бубновый Король больше войны и наказаний, но спускать с рук Джокеру это тоже нельзя. Где это видано – чтобы колоть шестёрок пиками? Да и как много ещё карт с плохим значением – коварство и обман, жестокость и интриги. Хотя в сочетании с другими картами они могут принести пользу, и пока бьётся его бубновое сердце, он поможет им в этом.

Вот так, размышляя о порядке в карточном королевстве, шёл Бубновый Король дальше по лесу и увидел дворец красоты неписаной. Утопающий в зелени, стоял этот замок особняком, с высокими толстыми стенами, гаубицей не пробьёшь, с острыми шпильями, с башенками и балконами. Вокруг замка белые лебеди плавали, розовые кусты росли, и радуга поднималась. Засмотрелся Король.

– Интересно, кто живёт в таком красивом замке? Король? Какой масти? Из какой колоды? Бубновый Король постучался в железные ворота неприступной крепости.

А вот и нет, никакой и не король владел замком. В нём жил Туз Треф. Но случилась беда – Туз Треф умер. Его масть поменяла цвет. Конечно, карта была не первой свежести, слегка потрёпанная жизнью, но сейчас все краски сошли с неё. Туз Треф не дышал.

– Что с ним случилось? – спросил Бубновый Король.

– Никто не знает, – ответила Дама Треф, вытирая слёзы с глаз.

Беспокойная гостья скучать не даёт

Пришёл вторник, а лучше бы хорошие новости. Но они не спешили приходить, застряли где-то в другом измерении, в другой жизни. Баба Женя шла к дому Ростоцких, не замечая пути. Да и что там замечать, что она не видела в Старграде? Всю жизнь прожила в этом провинциальном городишке. В основном здесь – деревянная застройка, в центре – площадь Ленина, городская администрация и автостанция, на которой она всю жизнь проработала кассиром. Несколько районов пятиэтажек построили ещё в двадцатом веке. Вот и весь Старград. За городом – озёра, святой источник, пещеры, дубы-колдуны. А котлов учёных сколько бегают! Хорошее место, что уж там говорить. Не зря потянулись сюда богатеи со всей России. Дома построили не чета старградским – модные, современные, с бассейнами и садами, по последнему слову архитектуры и техники.

Баба Женя шла на полусогнутых. Ноги болят, а идти надо быстро. Хоть бы не отказала Регинка, хоть бы подсказала, что делать. Ростоцкие – они такие, ведьмина кровь играет в жилах. По молодости муж бабы Жени пропал, с рыбалки не вернулся домой. Она к Матильде побежала, жив ли, мёртв ли, что делать. А Ростоцкая, как в воду глядела, успокоила. Жив, говорит, в лесу заблудился, покалечился. Ищите у поганых болот. И правда, нашли на третьи сутки, со сломанной ногой. Во как!

А Бабе Жене сейчас хоть Ростоцкие, хоть бог, хоть чёрт, лишь бы помогли дочь вытащить из тюрьмы. Баловала её, пылиночки сдувала. Таюшка, поздний ребёнок, в муках рождённый, ни в чем отказа не знала, выросла, красавицей первой в городе стала, и вот – в беду попала. Кроме матери некому вызволить из неволи.

Дом Ростоцких ранее принадлежал инженеру Ушакову, а до него купцам Егоровым. Матильде же достался со всей старинной обстановкой. Дом встретил позднюю гостью неласково. Высился горделиво на пригорке. Ставни закрыты, из-под одного окна свет пробивается. Дома хозяйка, значит. А где ей быть? Договаривались же на восемь часов.

– Доброго вечера, Регина. О, господи, а это кто? – баба Женя испуганно перекрестилась.

– Не бойтесь. Гриша – ручной ворон.

Женщина огляделась. Дом не изменился со времён Матильды. Темно-зелёные обои выцвели, но смотрелись пока прилично. Печь с изразцами начищена, ни пятнышка. Резной старинный буфет тёмного дерева – как новенький. Скатерть отглажена. Молодец девчонка, следит за порядком. Ну, как тоже девчонка. Поди ей уже за тридцать, не меньше. Длинные юбки не по моде возраст добавляют, конечно. Смазливая девка, ничего не скажешь, только смотрит на всех волком, того гляди укусит. После того пожара закрылась от всех, ожоги прячет под шарфиками. В перчатках даже летом ходит. Нечисть крылатую завела, с вороном только и общается, видимо.

– Чай горячий будете? – предложила хозяйка.

– Беда, беда у меня, – заголосила гостья без малейшего перехода. – Не до ча-а-а-ю.

– Да что случилось-то? – Регина затеребила кончик шарфа.

– Таисию мою арестовали. В тюрьме сидит ангелочек мой, – всхлипнула женщина. – Слышала, мэра убили?

– Шахтина? Да, слышала. Гудит город.

– На Таюшку мою грешат, – баба Женя достала платок, промокнула глаза.

– Во как. В полицию, к следователю надо идти.

– Была я там, – сказала баба Женя с досадой и махнула в сторону Регины рукой. – Выгнал меня Архипов. Дело, говорит, сурьёзное. Не путайся, бабка, под ногами. Ой, Регинушка, к кому я сегодня только не ходила. На тебя одна надежда.

– А я при чём? – удивилась Регина. – Я простой архивист, хоть и при следственном комитете.

– Ну, ты можешь карты глянуть? Погадай, прошу, девонька. Выпустят или нет?

– Это можно, да.

Регина взяла загодя припасённую колоду карт, перетасовала, подала бабе Жене сдвинуть, раскинула по столу. Женщина перестала дышать, всматривалась то в карты, то в лицо гадалки. Карты не поймёшь. Лицо непроницаемо.

– Да не томи ты меня! – не выдержала баба Женя. – Говори как есть.

– Выпустят-то её выпустят, – сказала Регина и нахмурилась. – Только помочь ей надо.

– Как это?

– Вижу, что настоящий преступник на свободе ходит, – сказала ворожея, указывая на карту. – Вот как его поймают, так и дочку Вашу отпустят. Не раньше.

– А кто преступник?

– Ну, если бы было так просто, я бы давно уже генералом в полиции служила, – сказала девушка, выгнула левую бровь.

Гриша смешливо каркнул. Хохмит хозяйка. Баба Женя и Регина посмотрели на ворона.

– Я тебе любые деньги заплачу, узнай, что за скотина бессовестная доченьку мою подставила, – женщина засуетилась, полезла в сумку, вытащила банкноты, положила перед Росточкой. – Вот, возьми за гадание. Я потом ещё принесу. Не сомневайся, у меня есть. Какая-никакая, я ведь тёща мэра. И хозяйство держу.

– Не знаю даже, – растерялась Регина.

– Я ведь тебе, сиротке, билеты доставала на автобус до райцентра. Когда ты в коллеже на учительку училась. Помнишь? А теперь ты мне подмоги. Я знаю, ты можешь. И тётка твоя могла.

Регина вспомнила про Мирослава и кроссовки, про Анютку и макароны. Деньги нужны, да. Пообещав разобраться и проводив беспокойную гостью, девушка сняла шарф. Воспоминания, гадания, заигрывания с предсказаниями даром не проходят. Как предупреждал Григорий, ей стало плохо. Видеть прошлое и будущее – ох, как непросто. Ощущение, как будто весь воздух спустили из надувного круга, и он безвольно валяется на песке. Энергия на нуле.

Из последних сил убрала со стола, села в любимое кресло, закрыла глаза, вспомнила детство. Родители редко бывали дома. Археологи, что с них взять. За детьми присматривала бабушка, а тётка Матильда помогала. Своих-то детей у неё не было. Маленькая Регина стояла у заиндеветшего окна, прикладывала тёплые пальцы, отогревая стекло, и мысленно призывала маму вернуться из экспедиции поскорее. Отражение окна рисовало пухленькую кудрявую девочку. Когда призыв срабатывал, родители возвращались, дом оживал. Становилось шумно и весело.

– Белоснежка, ты будешь с нами ужинать или опять пирожки стащила с кухни? – спрашивала мама с доброй улыбкой, указывая на жирные пятна карманов домашнего платья дочери.

Проходил месяц детского счастья, и родители снова уезжали. А у Регины просыпалось странное желание красть. Потом она узнала, что это называется kleптоманией. Воровала всё: игрушки и книжки, ручки и пеналы, конфеты и колбасу. Воровала везде: в школе и в магазинах, в пекарне и в автобусах. Ничего не могла с собой поделать. Сердце бухало в груди, а руки сами тянулись. Что-то она сразу выбрасывала. Для неё был важен сам процесс воровства. Съестное съедала. Вкус украденных продуктов был ярче обычной еды и давал ей внутреннюю силу. Остальное складывала в хомячье логово. Так назвала тайник бабушка, когда его нашла. Как с этим бороться, кроме скалки по мягкому месту, пожилая женщина не знала. Про детских психологов в городе не слышали. Так и жили.

Илья рос другим. Брат болел диабетом. Может быть поэтому в нём рано поселилось сострадание ко всему живому. Ходил с едой для животных в карманах, жалел и подкармливал брошенных питомцев, пристраивал их в "добрые руки". В пять лет, когда он узнал, из чего

варят суп, наотрез отказался пить куриный бульон. А как вырос, стал сознательным вегетарианцем.

Когда Регине исполнилось десять лет, бабушка умерла. С одной стороны, это было потрясением – первая близкая смерть. Страшная и неотвратимая, как будто одна стена в большом доме рухнула и никогда больше не встанет на место. Она тогда впервые задумалась о своём конце жизни. С другой стороны, родители "завязали" с длительными командировками, и они стали похожи на классическую семью – мама, папа, сын и дочь. Тётка – сестра отца – портила идиллическую картину. Матильда, грубая и громогласная, замуж не вышла, детей не родила, но карьеру сделала – работала начальником в жилищном комитете города. В своё время и дом ей выделили добротный, водопровод, канализацию и отопление в нём провели за счёт городского бюджета. И мужики-жилищники ходили у неё по струночке, одного взгляда боялись. Матильде же этого было мало. Она хотела контролировать не только жилищный фонд, но и жизнь брата Павла и его детей.

Деликатный отец не мог сопротивляться напористости сестры и защитить детей от её атак. Если Илья, мягкий и покладистый, к тому же в породе Ростоцких светленький и ширококостный, отделялся лёгким испугом, то Регине, в мать пошла и тёмным окрасом, и тонкой костью, доставалось по полной программе. И ходит она в чём попало, и учится не так, как надо. Девочка огрызалась, но толку было мало. Настроение портилось.

– Вот так, Гриша. Кто бы тогда знал, что не всё так плохо, как мне казалось, – сказала Регина ворону. Он зашевелился наверху. – Пошли-ка спать, старина.

Регина улеглась в постель и решила дочитать вчерашнюю сказку. Интересно стало, нашёл Бубновый Король Джокера или нет.

Продолжение приключений Бубнового Короля

Туз Треф слыл сильным и жестоким правителем. И правил он своим королевством чёрной железной рукой. А ещё у него был волшебный глаз. Он мог испепелить любую карту в своей колоде одним лишь взглядом. Поданные его боялись, при его приближении дрожали как листья на ветру. В семье его тоже боялись. Он плохо относился к своей королеве – Даме Червей и к принцу – Валету Треф.

Однажды Туз Треф закатил пир во весь мир. Все карты из колоды пировали вместе с ним. День пировали, два пировали, а на третий день Туз Треф увидел Трефовую Даму. Дама, хоть и не знатных кровей, а прелесть как хороша. Так поразила она его своей красотой, молодостью и характером – смелая и знает, чего хочет, не то что его старая королева – выдавшая виды, с толстым слоем сального налёта. Он выгнал из замка Даму Червей и Валета Треф и женился на молодой Даме Треф.

Бубновый король рассердился на Трефовую Даму и направил на неё указательный палец.

– Это ты убила Туза Треф! А может и ещё кого-нибудь, откуда мы знаем. А слёзы твои – сплошной блеф, – закричал Бубновой Король, хватая Даму Треф за руки.

– Не правда! Я не убивала. Я любила Туза Треф. Дама Червей и Валет Треф могли его убить. Он же выгнал их из замка.

– Но они же далеко от замка, а ты рядом была, когда его убили, – возразил Бубновый Король.

– А ещё есть Король Червей. Он хочет править королевством Туза Треф единолично. Может это он убил Туза?

Бубновый Король схватился за голову. Как же ему быть? Вдруг Дама Треф не виновата. Он должен наказывать по справедливости, а не как удобно.

Бубновый Король дошёл до своего замка, а там его ожидал сюрприз. Его дама ушла к другому королю. Закручинился Бубновый Король, опечалился. Всё к одному, пришла чернота, отворяя ворота – и убийцу поймать не может, и дама его бросила.

– Что случилось? Почему ты такой грустный?

Бубновый Король поднял опустившуюся голову и увидел Бубновую Даму. Она ему давно нравилась, но он боялся к ней подойти. А тут сама пришла.

– Нужно найти Джокера, убившего Шестёрку Пик, и убийцу Трефового Туза и наказать их, а у меня ничего не получается.

– Не печалься, Бубновый Король, я тебе помогу, – сказала Бубновая Дама.

– Как?

– А вот как. Приведи-ка ты ко мне Даму Треф, Даму Червей, Валета Треф и Короля Червей. Я их раскину по столу, как карты лягут, так и будет.

Привёл Бубновый Король карты к Бубновой Даме, кинула она их на стол. Смотрит, головой качает. Ох, как плохо карты лежат. Ох, как плохо.

– Чего не так? Говори быстрее!

– Дама Треф не виновата, про остальных не скажу. Давай вместе думать?

Думали они, думали и, наконец, надумали. Поймали Джокера и посадили его в колоду для наказанных карт. И справедливость восторжествовала. А сами поженились и детей родили, и получился полный Флеш Рояль бубновой масти.

Тут и сказочке конец, а кто слушал – молодец.

Женский глаз всё замечает

Среда – середина недели, а там и пятница не за горами, и выходные. Погода сегодня радовала: сухая красно-золотая осень сменила дождливую сырость. Яркое солнышко слепило, но не грело. Гулять по такой погоде да в тёплой одежде – одно удовольствие. Регине же было не до гуляний. С утра отключила будильник на телефоне, заспалась, проснулась поздно. Вскипятила воду в кастрюльке, заварила кофе, покормила ворона, наспех позавтракала и побежала на работу.

Архив, где Регина трудилась старшим специалистом, располагался в старом приказном доме. Кирпичное здание девятнадцатого века летом отреставрировали, покрасили в ядрёно-канареечный цвет, заменили окна времён царя Гороха на пластиковые, под дерево. Получилось здорово – снаружи старина, внутри современность и комфорт. Зинаида Глушко, наперсница в архивных делах, дородная мать семейства, уже вовсю работала – "подшивала" документы после сканирования. Такие у них теперь порядки. А что вы хотели? Компьютерный век и общая база данных. Любые дела, досье на преступников находятся по мановению клика на клавишу.

– Доброго тебе утречка, – приветствовала коллега. – А Зинаида чайник не ставит, ждёт, когда главный архивариус на работу прийти соизволит. Жених не пускал?

Зинаида Глушко раньше работала секретарём в администрации, но потом проштрафилась, и была сослана в архив. Как ни странно, говорливая хохлушка-хохотушка прижилась на новом месте, а не сбежала, как надеялись.

– Да ну Вас, – отмахнулась Регина. – Просто проспала.

– А я уже обеспылевание провела, ярлычки подклеила, – сказала коллега, поглаживая стопку папок.

– Вы – самый лучший сотрудник архива, Зинаида Ивановна. Из двух.

– Спасибо на добром слове, – сказала Глушко, сканируя очередной документ. – Капитан Рюмин уже заходил.

– Спрашивал про меня? – спросила Ростоцкая с испугом.

– Не-а. Поинтересовался выполнением плана по сканированию старых дел в базу МВД.

– Ну, слава богу!

Капитан Рюмин в архиве досиживал до пенсии. Был маниакально подозрителен, как все бывшие следователи, но, в общем, мужик неплохой. Он сидел на втором этаже и редко удостаивал визитами подчиненных. Однако Регина его побаивалась. Начальник всё-таки.

Старший архивист сняла плащ, встряхнула, повесила на плечики и убрала в шкаф. Поправила причёску и шейный платок перед зеркалом, прошла к столу, включила компьютер.

– Вместо того, чтобы шуточками развлекать, Вы мне лучше помогите подборку сделать.

– Что за подборку?

– Нужны все документы по мэру Шахтину. Задание от руководства. Всё, что у нас есть. Электронный архив я сама найду, а вот бумажные документы придётся собирать. Поможете?

– Будет сделано, мой главный архивариус, – Зинаида шутливо козырнула и удалилась.

Через два часа Регина Ростоцкая знала о Шахтине всё: упоминания в прессе и официальных источниках. Но этого было мало. Зинаида дополнила данные менее официальной информацией.

Шахтин Геннадий Петрович, тысяча девятьсот шестьдесят четвёртого года рождения, десять лет бессменно руководил Старградом. В детстве страдал дислексией, долго не мог научиться читать и писать. Это помешало ему получить хорошее образование, но не пост мэра. Поговаривали о его криминальных связях в прошлом, но не пойман, как говорится – не вор.

В базе МВД на него ничего не было. Проходил пару раз свидетелем, но это всё давно быльём поросло.

– Та я его не бачила почти, в канцелярии сидела. Здравовкалась только, когда в коридорах администрации встречались.

– В коридорах власти, – задумчиво добавила Регина.

– Во-во. Власть он дюже любил. Всё в областной центр стремился. Плох тот мэр, что не хочет стать губернатором!

Зинаида рассмеялась шутке звонким девическим голосом, не подходящим ни к её возрасту, ни к комплекции. Регина немного позавидовала жизнерадостности коллеги. У неё даже улыбнуться не получалось, а эта женщина в годах заливается соловьём.

– А какой Шахтин был в жизни?

– Во-первых, настоящий хозяин. Держал всё под контролем. Во-вторых, хоть у него уже и плешь проклёвывалась на темечке, но мужик был видный. Дивчины на него заглядывались. Подтянутый, костюмы с оторочкой по лацкану, по фигуре.

– Бабник?

– Вроде того. Ещё что памятоваю. Писал кое-как, не всегда разберёшь, что накалякал, а говорил складно, заслушаешься. Как вы сейчас говорите, харизматичный. Во какое слово знает Зинаида!

Война войной, а кушать тоже надо. В обеденный перерыв Регина пошла к невестке с племянниками. По дороге вспоминала старое, связанное с этим домом, с этой квартирой, аж вздрогнула. Прогоня мрачные воспоминания, позвонила в квартиру родни. Дверь ей открыла Аня. Девочка обрадовалась госте, кинулась на шею. Регина в ответ обняла, чмокнула в щёчку и выгнула дугой левую бровь.

– Привет! Ты видела, какую причёску мне мама сделала? – с места в карьер обрушивала важные новости племянница, поворачиваясь и демонстрируя сложную композицию на голове.

– Ну-ка, посмотрим. Какая красота! – искренне восхитилась тётка. И там было чем восхищаться. На голове у девочки так было закручено, что причёски с кораблями времён короля Людовика показались бы скромными хвостиками. – Это что, косы в виде сердечка сплетены?

– Да! Мама уже в Инстаграм выложила фотографии и лайки собирает.

– Вижу, – сказала Регина, входя в комнату. – Добрый день.

Лариса в экстравагантном сарафане лежала на потрёпанном диване с планшетом в руках, приподнялась, меланхолично помахала в ответ.

– Привет!

Комната давила на Регину, отталкивала так, что захотелось сразу выйти. Повсюду валялись вещи: учебники, тетради, журналы, надкусанное яблоко, старые пакеты, грязные стаканы, тряпки, сломанные машинки и куклы. В углу стоял мольберт с заброшенным натюрмортом. Кисти, шпатели, мастихины, полупустые тюбики из-под масляной краски лежали рядом. Ростокская провела пальцем по шкафу. Мебель покрылась слоем пыли, и только там, где прикасались, были места, свободные от пыльного одеяла.

– Я тебе денег принесла на кроссовки. А что у вас с окном?

– Мирослав играл дома с мячом. Треснуло.

Регина поднесла ладонь к давно немытому стеклу. Из трещины сильно дуло.

– А где Мирослав?

– В школе. Ещё не вернулся.

– Ты уверена, что он в школе?

– Ну, а где? – спросила мать, привставая.

– Лариса, я тебя умоляю! А то ты не знаешь, где он. Мяч гоняет, как обычно.

– Ну и пусть поиграет маленько. Что такого?

– Маленько? Он целыми днями носится по улице. И учится плохо, – сказала Регина, покраснев от возмущения.

– И что ты предлагаешь? – спросила Лариса.

– Заняться воспитанием сына и посадить его за уроки.

– Ладно, Регина, займись, – нехотя согласилась мать. – А на куртку деньги?

– Потом принесу. Что у тебя с работой?

– Ничего у меня с работой, – беспечно ответила Лариса, поправляя растрёпанные волосы цвета спелой пшеницы.

– Ты искала? – спросила Регина с подозрением.

– Конечно, я искала. Туристический сезон закончился. Картины теперь никто не покупает. Ты будешь обедать? – сделала невестка ловкий переход с неприятной темы.

– Нет. Чай выпью. Я там принесла пирожное и кое-что из продуктов.

– Ты – наша спасительница! – Лариса оживилась, соскочила с дивана, побежала на кухню.

– Только чашки для чая я сама помою, – сказала Регина, отправляясь следом.

– Ого! Ты даже сыр и орехи купила. Спасибо, дорогая, – сказала невестка, разбирая пакеты с продуктами.

Пока Лариса набивала холодильник, Регина перемыла чашки, протёрла стол, нарезала пирожное на маленькие кусочки. Откусывать от большого – моветон. Ей нравилось брать маленькую порцию и отправлять в рот целиком.

– Послушай, а ты случайно мэра Шахтина не знала? – после второй порции сладкого спросила Регина.

– Хорошо знала. Больше, чем хотелось бы. Он мне в прошлом году портрет жены заказывал. А тебе зачем? – спросила Лариса, уплетая пирожное.

– Его убили. Знаешь?

– Слышала.

– Нужно подборку документов сделать. Интересуюсь, что за личность.

– Личность омерзительная. Двадцать лет с женой прожил, сына народил, а потом бросил ради молодой официантки. Вот эту дрянь я и писала маслом. Подарок к её двадцатипятилетию. Представляешь, заявила мне, что в ней течёт испанская кровь. А люди говорят, она из Сосновки.

– Из грязи в князи, – добавила Регина.

– Ага. А Шахтин в обществе приличный человек, а дома снимает маску: говорит как быдло, и ведёт себя так же. Люди для него – разменная монета. И девка эта ему под стать.

Лариса рассказала про мэра и его новую жену всё, что знала. В красках, в лицах, резкими мазками, как умеют только вольные художники, обрисовала семью градоначальника.

– Спасибо за рассказ. И пожалуйста, вызови стекольщика и уберитесь в квартире, – напоследок сказала Регина родственнице и ушла на работу.

Неожиданную встречу нужно подготовить

На полпути Ростоцкая передумала возвращаться в архив, а развернулась и пошла в сторону следственного комитета. Под предлогом забрать документы она прошла в здание СК, куда частенько заглядывала по работе. Если архив располагался в старинном приказном доме, то сам следственный комитет летом переехал в недавно построенное здание. При входе взор утыкался в огромный герб с двуглавым орлом с распростёртыми крыльями, щитом, двумя скрещенными мечами и всадником, поражающим дракона. Регина всегда подтягивалась при виде этой эмблемы, хотелось пройти строевым шагом.

Старшего следователя Руслана Архипова она как бы случайно встретила в коридоре. На самом деле ждала, когда он выйдет из кабинета минут пятнадцать. Стояла у стенда, делая вид, что читает последние приказы по Управлению и правила в случае возникновения пожара.

– Регина? Какими судьбами? – удивился бывший одноклассник. Кучерявый полноватый Руслан выпучил от удивления и без того круглые глаза.

– Ой, и я рада тебя видеть! – немного наигранно удивилась Регина. – А я здесь по делам. Документы для архива забрать надо.

– Понятно. Я уж подумал, проблемы какие у тебя возникли, или по делу проходишь свидетелем. Как сама? Кого из наших видела? Давай отойдём, – следователь взял девушку за локоток и потянул к высокому окну в коридоре, чтобы не мешать проходящим. Кивнул приятелю, оглядывающему парочку с любопытством.

– Никого не вижу. Дом, работа. Сам понимаешь, – сказала девушка и затеребила шарфик. Не сполз ли, не открыл ли неприглядные ожоги.

– А замуж не вышла? – осмелился спросить Архипов.

– Нет. А ты? – почему-то спросила Ростоцкая и сразу пожалела.

– И я не вышла, – рассмеялся Руслан. Добавил серьёзно. – Развёлся. Вернулся из командировки, а жены нет.

– Сочувствую. А что случилось?

– Ну, что может случиться с женой солдата? Надоело ждать, надоело экономить, когда рядом богатый мужик вертится. Знаешь компанию "Братья Скорход"?

– Слышала что-то, – нахмурилась Регина, пытаясь вспомнить.

– Света работает у них бухгалтером. Не так давно удачно вышла замуж за одного из братьев и счастлива в браке.

– Да уж, неприятно.

– Не то слово.

Архипов сначала вздохнул, а потом улыбнулся, мол, а я тоже не пальцем деланный, всё у меня хорошо.

– Руслан, а дело мэра у тебя?

– Так точно! А что? – спросил Архипов настороженно.

– Мне поручили подборку документов сделать. Поможешь с информацией? – в очередной раз объявила придуманную байку девушка.

– Не имею права, – сказал Архипов и немного отстранился. Увидев расстроенное лицо одноклассницы, добавил. – Но за свидание могу поделиться некоторыми фактами.

– Свидание? – спросила Регина, нахмурившись.

– Одно, – уточнил Руслан и поднял вверх указательный палец. Лицо скорчил хитрое, умоляющее.

– Хорошо, – сдалась она. Для дела надо, не просто так.

– Ну, тогда слушай. Там всё ясно как божий день. Полицию вызвала супруга. Шахтин умер, когда у них интим намечался. Мы сначала подумали, что он принял "Виагру", не рассчитал силы, сердце не выдержало. Позже эксперты сказали, что было отравление. Кто и чем мог отравить мэра, выясняем. Главная подозреваемая – жена.

– А камеры в доме есть?

– Там не дом, а резиденция французских королей. Огромный плацдарм. Камер понатыкано на каждом углу.

– И что записи?

– И ничего. Никого постороннего камеры не засекли. Чужие там не ходят.

– Спасибо тебе, – сказала Регина, сняла перчатку и прикоснулась к его руке.

Реальность задрожала, с громким звуком треснула, изменилась. Что такое? Память Архипова нарисовала картинку из их далёкого детства.

А вот и сама Регина, в тёмном платье и розовом платке на шее. Это, наверное, девятый класс. Урок закончен, учитель вытирает с доски, одноклассники устремились к выходу. Ростокская с отстранённым лицом прошла мимо. Сердце в груди Архипова скачет как орловский рысак в заезде, вот-вот выскочит. Приятная истома растекается по телу юноши. Он неуклюже переминается с ноги на ногу, а потом посылает воздушный поцелуй вслед уходящей Регине.

Девушка отпустила руку бывшего одноклассника и пошла по коридору.

– Не за что, – ответил Руслан и крикнул вдогонку. – В пятницу вечером созвонимся. Договорились?

Регина уже почти ушла на выход, обернулась, отправила воздушный поцелуй и скрылась из виду.

Вечером Регина обнаружила дома несколько чёрных перьев на полу и мебели. Нагнулась, подняла перо, подошла к резному буфету.

– Что это такое? Гриша, ты опять? – спросила с упреком.

Ворон каркнул с вызовом.

– Я понимаю, что ты хочешь летать. Но это невозможно с одним здоровым крылом. Не будешь больше? – спросила теперь примирительно.

Ворон нахохлился и отвернулся к окну. Летал и буду летать! Всё равно научусь заново это делать, принесу хозяйке добычу, вот тогда и поговорим.

Что бы этакое приготовить на ужин? Холодильник хранил для неё в свежести и сохранности обилие овощей.

– Договорились, салат так салат.

Нарезанные огурцы, помидоры, оливки, лук и кусочек сыра окатила волна масла. Столовая ложка всё перемешала и отсыпала немного в птичью кормушку. Там ещё оставались орехи и пшено, но от салата Гриша тоже не отказался.

Купить новый чайник пока не на что, но где-то в амбаре пылился электрический самовар Матильды. Регина принесла его в дом, проверила – работает. Ну и отлично. Начистила бока, налила воды, будем пить чай. В печке потрескивали дрова, наполняя дом не только живым звучанием, но и неповторимым лесным ароматом. Старый пузатый самовар с гнутым носиком, похожим на ключ, запыхтел, и стало совсем уютно.

Регина поужинала, забралась с ногами в любимых полосатых гетрах в старое насиженное кресло у большого книжного шкафа. Мебель, старинная, массивная, резная, как и почти вся обстановка в доме, была предметом гордости купца Егорова. И её, Регининой, гордости тоже. Она любила этот шкаф особенно, ведь он был не только хорош собой, он хранил для неё книги. Да что уж там – целые миры, а также приключения, любовь и тайны. Всё то, что уносило её

далеко от Старграда и хмурой осени, от скучной жизни в провинциальном городе. Взяла новый фолиант, начала читать. Ворон недовольно заворчал.

– Хочешь новостей? А будешь меня слушаться?

Гриша каркнул утвердительно.

– Ну, хорошо. Тогда слушай, – сказала девушка и закрыла книгу. – Из рассказов Зинаиды Ивановны, Ларисы и Руслана Архипова я узнала следующее. Больше всего на роль убийцы подходит жена мэра. Во-первых, она – наследница. Во-вторых, доступ к телу имела. Таисии всего двадцать шесть лет. Красивая, неглупая и переполнена амбициями. Работала официанткой, когда на неё обратил внимание Геннадий Шахтин. И, заметь, не просто охмурила мужика, а заставила развестись и жениться на ней. Каково, а! Говорят, лезла в дела мужа. Через неё проворачивались некоторые делишки в городе.

Ворон перелетел поближе.

– Кстати, на счёт делишек. Заместитель мэра Олег Николаенко явно подсиживал начальника. Писал анонимки в Москву на Шахтина. В ночь убийства был далеко отсюда, на морской рыбалке с другом. Заядлый рыбак, между прочим. Как думаешь, специально обеспечивал себе алиби?

Гриша одобрительно закричал.

– Да, ещё не стоит забывать про первую жену. Елена Шахтина, говорят, до сих пор обижена на бывшего мужа и на его новую супругу. Это мотив, а алиби нет. И сынок его какой-то мутный. Игнат, кстати, тоже наследник. А если Таисию не выпустят, то единственный наследник. Парню двадцать пять лет скоро будет, а образования нет, нигде не работает, песенки сочиняет. Эдакий непризнанный гений. Папа, хоть и богатый, но денег на музыку не давал. Игнат Шахтин в ночь убийства был в местном баре. Для алиби?

"Спокойной ночи".

На экране телефона высветилось сообщение. Отправитель – Руслан Архипов. Регина прочитала и выгнула левую бровь.

Перед тем, как провалиться в сон, Регина вздрогнула. Иногда ей снились кошмары. Сейчас вспомнился пожар. Это ей уже четырнадцать лет исполнилось. Жаркой летней ночью старый бабушкин дом загорелся из-за истлевшей проводки, как потом выяснилось. Вспыхнул как сухой порошок, не дав времени на сборы и спасение. Девочка проснулась от того, что кто-то тормошил её, сказал выходить на улицу. Она и вышла. Дом полыхал. В окне показалось испуганное лицо Илюши. Регина, не задумываясь, бросилась назад. Где-то ухнула прогоревшая балка, посыпались искры, дым заполонил всё вокруг. Она закрыла нос рукавом ночной рубашки, пробила в детскую, взяла стул, разбила стекло, выпихнула брата в оконный проём. Всё. Дальше провал.

Регина летела в бездну, не чувствуя страха. Рядом летели родители. Дотянуться до них она не могла, но видела в отдалении. Горячий мощный поток затягивал в воронку как пылесос. Она сопротивлялась что было сил, но их катастрофически не хватало. Воронка всё больше затягивала, а потом начала дёргаться и искриться.

– Разряд! – услышала девочка сквозь туман.

Вспышка ослепила её, окрасила всё вокруг в белый цвет. Воронка исчезла. Конвульсии сотрясали тело девочки.

– Есть движение! Запустили! Сердцебиение восстановлено, – радостно сообщил женский голос. Что-то запыкало над ухом.

– Отлично! Работаем дальше, мои хорошие, – скомандовал-похвалил баритон с хрипотцой.

Тягостно-потливое состояние между явью, дрёмой и бредом сменилось полусонным спокойствием. Регину перевели из реанимации в общую палату, но продолжали колоть успокоительное. Она лежала на спине, положив руки поверх одеяла. Окинула равнодушным взглядом

дом комнату. Крашенные стены, железные кровати, тумбочки с провисающими дверками, полы, пахнувшие хлоркой. Когда перед ней выросла мужеподобная фигура тёти, не удивилась.

– Деточка моя, как ты себя чувствуешь? – непривычно ласково спросила Матильда, вытирая мокрые глаза маленьким платком. В её больших мясистых руках платок казался игрушечным.

– Терпимо, – ответила племянница. – А мама с папой где?

Матильда не ответила, просто завывала как побитая собака, с тоской, с болью. Регина нахмурилась.

– Понятно. А Илья? – спросила девочка ровным голосом, почти без интонаций.

– Жив, жив! – обрадовала тётка, замахала руками в её сторону. – Завтра придёт.

– Хорошо, – спокойно сказала девочка. Не улыбнулась. Выгнула левую бровь дугой. Больше она никогда не улыбалась. Разучилась растягивать мышцы лица, хоть позже и тренировалась у зеркала. Получался звериный оскал, а не улыбка. И ещё волосы. Когда-то смоляные кудри распрямились, причёска без намёка на волну. Ну и ладно. Так даже лучше.

На следующее утро пришёл доктор Благой, обладатель баритона с хрипотцой.

– Так. Ростокская Регина. Четырнадцать лет. Остановка сердца. Ну, как ты себя чувствуешь? Рассказывай.

– Нормально. Скажите, а ожоги пройдут?

– Тебе не об этом нужно думать. У кардиолога понаблюдаться надо, у невролога пройти обследование.

Благой прощупывал пульс. А потом случилось новое потрясение в её жизни – окружающий мир распался на мелкие кусочки, будто стеклянная витрина от попадания случайной пули разошлась лучиками и обвалилась. Она вдруг увидела воспоминание доктора.

Он в белоснежном халате поверх медицинского костюма стоял в операционной над бездыханным телом Регины. Поднял руки в стерильных перчатках вверх. Попросил медсестру вытереть лоб. Жарко. Ему очень хотелось пить и оживить эту храбрую девочку, спасшую брата и пострадавшую на пожаре. Медсестра шепнула перед операцией, что родители погибли в огне. Благой слыл циничным атеистом, но перед операцией почему-то помолился и попросил у Бога помощи.

Регина аж задохнулась от такого реалистичного видения. Моргнула, и "стеклянная витрина" собралась по кусочкам обратно в единое целое, закрывая от неё воспоминание. Доктор отпустил её руку.

– Пульс зачистил. Нехорошо. Сестра! Ещё успокоительного, и полный покой.

Дворцы хранят секреты

После дождичка в четверг утро встретило прохладой и промозглой сыростью. Регина вышла на улицу из тёплого нутра дома и тут же захотела вернуться обратно. Сбросить одежду и залезть под пуховое одеяло. Долго валяться, читать в постели и встать только к обеду, а на работу вообще не ходить. Может, прикинуться больной? Эту мысль она сразу отбросила как профнепригодную, она не такая. Стыдно обманывать начальство. К тому же перед глазами всплыло требовательно-умоляющее лицо бабы Жени. Регина собрала волю в кулак и отправилась навстречу пронизывающему ветру и непогоде.

Регина зашла в старинное здание архива, приложила электронный пропуск, зелёная стрелочка валидатора разрешила пройти и приступить к работе.

– Доброго тебе утречка, Регина Павловна! – привычно поздоровалась Зинаида Глушко, по-южному растягивая слова и широко улыбаясь. – Сегодня вовремя на работу явилась. Молодец!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.